

А.А. Бадмаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

Сорока в традиционном мировоззрении бурят

Сорока представляет один из распространенных персонажей в традиционном фольклоре народов Евразии. В бурятской этнографии этот орнитоморфный образ еще не получил специального рассмотрения. Исследование посвящается выявлению комплекса традиционных бурятских воззрений о сороке. Задачами работы являются: дать общую характеристику сороки в традиционной культуре бурят; выявить образ сороки в мифологических воззрениях бурят. Источниковую базу исследования составляют лингвистические, фольклорные и этнографические материалы. В статье используется структурно-семиотический метод, предполагающий выделение символики сороки. Определено, что в языке и малых жанрах фольклора бурят нашли отражение основные биологические признаки сороки (ее окраска, наличие длинного хвоста, характерное для этой птицы передвижение, ее стрекотание, ловкость и хитрость). Отмечено особое распространение в традиционной культуре бурят образа сорочьей лапки. Выяснено, что буряты относили сороку к категории птиц, якобы способных излечить человека. В то же время эта хищная птица ими рассматривалась как нечистая. Показывается, что образ сороки в традиционных представлениях бурят является многозначным: с ним увязываются тотемные воззрения; он олицетворяет зиму, имеет женское начало и играет роль вестника; с ним связаны мотив покровительства, идея души и оборотничества, вместе с тем он наделяется нечистой природой, в том числе, потому что считается вестником смерти. Выделено, что ряд народных воззрений бурят о данной птице имеет параллели в традиционном сознании у разных этнических групп Евразии, что указывает на их универсальный характер.

Ключевые слова: буряты, традиционное мировоззрение, сорока, фольклор, лексика.

A.A. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

Magpie in the Traditional Worldview of the Buryats

The magpie is one of the most common characters in the folklore of the peoples of Eurasia. In Buryat ethnography, this ornithomorphic image has not yet been analyzed specifically. The study is devoted to the identification of the Buryat traditional ideas about the magpie. The objectives of the work are: to give a general characteristic of the magpie in the traditional culture of the Buryats; to reveal the image of the magpie in the mythological views of the Buryats. The research was based on the linguistic, folklore, and ethnographic materials. The study has been executed through the structural-semiotic method involving identification of the magpie symbolism. It has been determined that the language and small genres of Buryat folklore reflect the main biological characteristics of the magpie (its color, the long tail, movement characteristic of this bird, the bird's chirping, dexterity and cunning). It has been noted that the image of the magpie's foot is particularly widespread in the traditional culture of the Buryats. It has been found out that the Buryats attributed the magpie to the category of birds allegedly capable of healing. At the same time, this bird of prey was considered as an evil spirit. It is shown that the image of the magpie in the traditional ideology of the Buryats is ambiguous: totemic views are linked to it; it personifies winter, has a feminine origin and plays the role of a messenger; the motive of patronage, the idea of the soul and werewolf are associated with it, at the same time it is an evil spirit partially because it is considered a messenger of death. It is highlighted that some Buryat folk views about this bird have parallels in the traditional consciousness of different ethnic groups of Eurasia, which indicates their universal character.

Keywords: Buryats, traditional worldview, magpie, folklore, vocabulary.

Введение

Тема восприятия человеком окружающей природы в традиционной картине мира остается актуальной для современной этнографической науки. В особенности интерес вызывает комплекс представлений о дикой фауне, характерный для любой этнической культуры. Одним из распространенных персонажей в традиционном фольклоре народов Евразии является сорока, образ которой, как правило, имеет неоднозначную коннотацию. В мифологических представлениях у разных народов эта хищная птица семейства вороновых наделяется ловкостью, хитростью, склонностью к воровству и распространению молвы [Мифы народов мира, 1980, с. 839]. Ее образ также вписан в культуру бурят и представлен прежде всего в их устном народном творчестве. При этом он не инкорпорирован в традиционную, в том числе шаманскую обрядность бурят.

Целью настоящей работы является выявление комплекса традиционных бурятских воззрений о данной птице.

Источниковую базу исследования составляют этнографо-фольклорные и лексические материалы. Особое место среди них занимают бурятская эпика и произведения малого жанра фольклора, записанные и опубликованные дореволюционными и советскими исследователями (М.Н. Хангаловым, Ш.Л. Базаровым, Ц.Ж. Жамцарано, Н.О. Шаракшиновой и др.). Языковой материал в основном представлен сведениями из двуязычных словарей монгольских и тюркских народов.

Общая характеристика сороки в традиционной культуре бурят

В дикую орнитофауну Юго-Восточной Сибири входит сорока (*Pica pica*), по-бурятски называемая *алаг шаазгай* букв. 'пестрая сорока, биолог. обыкновенная сорока'.

Бурятское название данной птицы находит параллели в других монгольских языках: ср.-монг. *šajiyai* 'сорока' [Поппе, 1938, с. 17], *šayaǰayai* [Этимологический словарь..., 2018, с. 138], монг. *шаазгай* 'сорока' [Большой академический..., 2001–2002 с. 1592], калм. *шаазга* 'сорока' [Хальмгорс толь, 1977, с. 657], хамниган. *шаадзагай* [Хамниганско-русский..., 2015, с. 345], дагур. *саажиг* 'сорока' [Краткий дагурско-русский..., 2014, с. 138]. Между тем происхождение этого слова в языке средневековых монголов, вероятно, следует связывать с древнетюркским влиянием: ср. др.-тюрк. *sayizyan* 'сорока' [Древнетюркский словарь, 1969, с. 481], кирг. *сагызган* [Киргизско-рус-

ский словарь, 1985, с. 121], хакас. *саасхан* [Русско-хакасский..., 1961, с. 814] и др.

В лексике и малых жанрах фольклора бурят отмечаются ее основные физические черты. При этом буряты обращали внимание на окраску птицы, прежде всего присутствие в ней черного и белого цветов, что нашло отражение в следующей загадке:

«*Саһанһаа сагаан,
Хооһоо хара,
Тэмээнһээ ундэр,
Ямаанһаа набтар.*
Светлее снега,
Чернее угля,
Выше верблюда,
Ниже козы»
[Оньһон угэнууд..., 1956, с. 22].

Из биологических признаков птицы выделяли в целом пестроту окраски оперения, а также наличие у нее длинного хвоста:

«*Алтан ургатай,
Алаг морьтой.*
С золотым шестом,
С пестрым конем»
[Жамцарано, 2006, с. 52].

Последняя строчка, вероятно, служит намеком на характерное для нее передвижение по земле прыжками или шагом, отдаленно напоминающее бег и ходьбу лошади.

Следует указать на то, что в традиционной культуре бурят получил распространение образ сорочьей лапки. Несомненно, данное обстоятельство нужно рассматривать в контексте того значения, которое имел образ сороки в традиционном сознании бурят. Напр., в числе их родовых тамг было известно клеймо, называемое *шаазгайн һабар* 'сорочья лапка', в виде трех прочерченных из одной точки под разным углом прямых отрезков. Ассоциация этого древнего знака собственности с известной геометрической фигурой – крестом, демонстрирует монгольская лексика: *шаазгайн савар* букв. 'сорочья лапка, перен. крестики' [Большой академический..., 2001–2002, с. 1592]. Кроме этого, буряты образно обозначали старомонгольскую (вертикальную) скоропись как *шаазгайн һабар*. Вероятно, с переходом на кириллицу у них появилось такое выражение, применяемое в отношении человека с неразборчивым почерком: *шаазгай һабар табижжа бэшиэхэ* (букв. писать, ставя сорочью лапку, перен. написать каракулями). Одну из мер глубины они также называли сорочьей лапкой: *шаазгайн һабарсаа саһан* 'снег глубиной по сорочью лапку' [Буряад-ород толи, 2010, с. 595].

Среди морфологических признаков сороки буряты отмечали ее стрекотание и связывали с ним различные приметы. Полагали, что крики, производимые данной птицей, свидетельствуют о ее болтливости, и поэтому считали ее разносчицей слухов и новостей. Неслучайно в бурятском языке про болтливого человека используется устойчивое выражение: *Шаазгайшалжа шаханаха* 'стрекотать как сорока'.

В фольклоре бурят сорока, как правило, изображается проворной и ловкой. Для примера приведем поговорку, в которой подчеркивается вездесущность этой птицы: *Шарайдай байгаагүй нутаг угы. Шаазгайн хуугаагүй модон угы* 'Нет родины у шарайдайцев. Нет дерева, на которое не садится сорока' [Перевод автора].

Кроме этого, в бурятской эпике сорока рисуется как хитрое существо:

«Призывает он к себе сороку чернохвостую,
Призывает он к себе сороку пеструю,
Сороку ловкую, сороку хитрую,
Все умеющую повсюду высмотреть...»

[Гэсэр, 1986, с. 201].

Очевидно, такое представление о ней сложилось в результате длительного наблюдения за ее поведением в природе: как известно, ее не без основания считают одной из умных птиц.

Положительная характеристика сороки проявляется, в частности, в том, что ее относили к категории птиц, будто бы способных излечить человека. При возникновении болей в шее (цервикалгии) буряты обычно совершали моление этой птице [Баторов, Хороших, 1926, с. 8; Зеленин, 1936, с. 214].

Согласно Г.Ф. Миллеру, буряты не использовали в пищу мясо врановых, в том числе сороки [2009, с. 254, 256]. Показательно, что в одной из бурятских загадок, записанных Ц.Ж. Жамцарано, слово *шаазгай* употребляется в значении кала [2001, с. 255], что, вероятно, косвенно указывает на восприятие птицы как нечистой. Отнесение данного пернатого к поганым животным, очевидно, диктовалось его пищевыми предпочтениями: в частности, привычкой питаться падалью.

Аналогичные суждения о сороке как нечистой птице сложились у различных народов Евразии: западноевропейских [Тресиддер, 1999, с. 354], славянских [Гура, 1997, с. 556–557], чувашей [Чувашская мифология, 2018, с. 132], вепсов [Винокурова, 2007, с. 106] и др.

Любопытно, что истоки негативного восприятия сороки обнаруживаются еще в древнетюркской лексике: *qus javuzi sayizyan / jiyac javuzi azyan* 'самая плохая из птиц – сорока, / самое плохое из деревьев – шиповник' [Древнетюркский словарь,

1969, с. 481]. Эта традиция получила продолжение в поговорках современных тюркских и монгольских народов, в них, в частности, особо выделяется природная жадность данного пернатого: ср. калм. *Шаазна шовун кеду цадхлн болв чиги, нуднь морнэ дээрэ* 'Как ни сыта сорока, она все смотрит на потертость конской спины' [Хальмг-орс толь, 1977, с. 657]; кирг. *Сагызган сактыгынан олбойт, суктугунан олот* 'Сорока умирает не от осторожности, а от жадности' [Киргизско-русский словарь, 1985, с. 121].

Теперь непосредственно коснемся мифологических воззрений бурят об этой птице.

Традиционные воззрения бурят о сороке

С сорокой связывается мотив спасительницы будущих основателей отдельных родов у присаянских и предбайкальских родов [Badmaev, 2020, р. 111]. Но в традиционном мировоззрении бурят образ этого пернатого соотносится еще и с представлениями о тотеме. Этнографические материалы указывают на локальное распространение культа сороки у предбайкальских бурят: данная птица считалась прародительницей одного из родов балаганских бурят [Косоков, 1930, с. 30; Зеленин, 1936, с. 187]. Заметим, что у монголов тоже обнаруживаются единичные примеры ее тотемного почитания: у них имеются роды *шаазгай* 'сорока' и *шаазгад* 'сороки', названия которых, как полагают, даны по тотемному животному [Очир, 2016, с. 251].

Тотемистические воззрения о сороке у монгольских народов впервые упоминаются в сочинении Н. Витсена, чей труд, посвященный Северной Тартарии, был написан в конце XVII в. В нем приводится следующая легенда: «Правили мугальской и ниужской Тартарией, до тех пор, пока эти потомки однажды не были убиты жителями страны, кроме одного, который убежал и уцелел, потому что сорока села ему на голову и враги приняли его за дерево, почему тартары, как те, что из ниужи, так и из Мугалии, когда они пришли в Китай, под страхом большого наказания запретили трогать гнезда сорок, почему они и сейчас держат эту птицу в большом почете» [Хамарханов, 1988, с. 151]. Вероятно, последние строки цитируемого фрагмента отсылают нас к завоеванию Китая сначала монголами в XIII в., а затем маньчжурами в XVII в.: здесь монголы именуется мугалами, а под ниужи Н. Витсен, скорее всего, понимает маньчжур (*нюйчжи, нюйчжэнь* 'золотой' – китайское название маньчжур).

Примечательно, что, как и в бурятских легендах, в данном тексте в сюжете о чудесном спасении мифического первопредка монголов и маньчжуров

прослеживается мотив покровительства сороки. Отсюда осторожно предположим, что наличие его в фольклоре бурят следует рассматривать как признак бывшего тотемного культа.

У маньчжуров существовало глубокое почитание этой птицы, согласно их летописи: «... волшебная сорока принесла в клюве ягоды боярышника и положила на одежду самой юной небожительницы <...> Впоследствии она родила малыша, который стал прародителем маньчжур» [Чжао, 2013, с. 28]. Между тем, приведенная выше легенда из работы Н. Витсена во многом повторяет предание именно маньчжуров (ср.: [Кычанов, 2004, с. 433–434]), поэтому, вероятно, им и принадлежит. Тем более что у монголов подобные легенды не зафиксированы. Хотя нельзя исключать, что Н. Витсен записал легенду, зародившуюся еще в древности, в период соседского проживания предков маньчжуров и монголов, и по какой-то причине забытой монголами.

В фольклоре бурят данное пернатое имеет ярко выраженную женскую символику. Так, в загадке тункинских бурят ее сравнивают с девицей: *Хонгодори басагат хунжилэ саган* ‘Хонгодорские девицы – белые одеяла’ (сороки) [Материалы для изучения..., 1911, с. 124]. Согласно поверьям, душа женщины, спасаясь от злых духов, оборачивается в сороку [Хангалов, 1958, с. 398]. Вообще идея души в виде такой хищной птицы фиксируется в традиционном мировоззрении у некоторых народов, в частности, у обских угров [Мифы народов мира, 1980, с. 838].

Сорока принадлежит к числу птиц, чьи образы олицетворяют природные ритмы. Конкретно в бурятской эпике ее соотносили с зимой:

«Не замечая ни лета, ни зимы –
Лишь услышав сороки стрекотанье,
Покрываясь инеем, узнает,
Что зима настала,
А когда услышит пенье гургалдая –
Поймет, что летняя пора настала»
[Шаракшинова, 2000, с. 118].

Причина, по которой она стала символизировать самый холодный сезон в году, заключается в том, что сорока, подобно некоторым птицам, не улетает на юг, а остается на зимовку. Эта ее особенность передается в бурятской загадке: «Царские коровы все пошли на пастбище, только две остались: чернуха и пеструха» (после перелета птиц оставшиеся ворона и сорока) [Базаров, 1902, с. 26].

Кроме того, ее, как и жаворонка, считали ранней пташкой, возвещающей восход солнца. Такое представление, в частности, закрепилось в традиционном пожелании бурят невестке:

«Горячий саломат вари,
Крепкий архи кури,
Со стрекотом сороки утром вставай»
[Фольклор..., 1999, с. 101].

В эпических произведениях и народных приметах бурят сорока выступает в роли вестницы. Так, в сказании «Хатуу хара хан» она приносит герою известия от его невесты:

«В это самое время
Со столь далекой стороны
Суженая его – невеста
С сорокой – пестрой птицей
Восточку отправила»
[Там же, с. 28].

В зависимости от времени суток стрекотание сороки воспринималось в положительном или негативном ключе, более того, у разных групп бурят имелась прямо противоположная трактовка такого события [Badmaev, 2020, p. 111]. Помимо примет о связи стрекотанья сороки с получением вестки, были приметы, в которых оно увязывалось с приходом гостя. Напр., буряты полагали: «Стрекочет сорока – к гостям» [Осокин, 1906, с. 223].

Заметим, что оба вида этих примет присутствуют в фольклоре у разных народов Евразии (китайцев [Чжао, 2013, с. 74], монгольских [Ванькаева, Лиджиев, 2018, с. 72; Эрдэнэболд, 2012, с. 73], славянских [Гура, 1997, с. 561–562], тюркских и финно-угорских [Винокурова, 2007, с. 109–110] этнических групп), что свидетельствует об их универсальности.

Дурным предзнаменованием у бурят считалось появление сорочьего гнезда вблизи дома, что, конечно, было вызвано негативной коннотацией этой птицы. Нечистая природа сороки прослеживается в бурятской эпике. В частности, в этой птице заключается душа и жизненная сила представителя темного мира – многоголового мангадхая [Бурчина, 2007, с. 142].

В мифологических суждениях бурят сороку связывают с другим представителем семейства вороновых – вороном, также воспринимаемым как поганое животное. Проиллюстрировать это можно фрагментом эпического произведения «Сагадай Мэргэн»:

«С новой силой закипает
Неоконченная битва,
Реки крови, горы мяса
Черных воронов питают,
Белобокие сороки
Тут же роются, стрекочут»
[Намсараев, 1990, с. 122].

В традиционных представлениях других народов также имеет место тесная привязка этих птиц.

Например, в алтайской эпике их голосами кричит злое порождение потустороннего мира:

«Кровоглазый возмущен,
Закаркал он, как сто ворон,
Зубами зло заскрежетал,
Как сто сорок, застрекотал»
[Маадай-кара, 1979, с. 43].

У бурят действовал запрет на убийство хищных птиц (ворона, коршуна), якобы покровительствуемых черными небожителями, а также сороки. Верили, что мистические хозяева этих пернатых способны жестоко наказать убийцу. Аналогичные воззрения были известны, в частности, у ойратов Синьцзяна [Ванькаева, Лиджиев, 2018, с. 72].

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что сорока является значимым персонажем в бурятском традиционном мировоззрении. Образ сороки в традиционных представлениях бурят является полисемантическим: с ним увязываются тотемные воззрения; он олицетворяет зиму, имеет женское начало и играет роль вестника; с ним связаны мотив покровительства, идея души и оборотничества, вместе с тем он наделяется нечистой природой в том числе потому, что считается вестником смерти. Выяснено, что ряд народных воззрений бурят о данной птице имеет параллели в традиционном сознании разных этнических групп Евразии, что указывает на их универсальный характер.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

- Базаров Ш.Л.** Двести загадок агинских бурят // Тр. КОПОИРГО. – 1902. – Т. 5, вып. 1. – С. 22–34.
- Баторов П.П., Хороших П.П.** Народная медицина бурят. – Иркутск: [б. и.], 1926. – 18 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь** / под ред. Г.Ц. Пурбеева. – М.: Academia, 2001–2002. – 2198 с.
- Бурчина Д.А.** Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. – Новосибирск: Наука, 2007. – 544 с.
- Буряд-ород толи.** Бурятско-русский словарь / под ред. Л.Д. Шагдарова, К.М. Черемисова. В 2 т. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. – Т. 2. – 708 с.

Ванькаева Е.В., Лиджиев А.Б. Животные в приметах монгольских народов // Монголоведение (Монгол судлал). – 2018. – № 15. – С. 67–80.

Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): дис. ... докт. ист. наук. – Петрозаводск, 2007. – 565 с.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – Т. II. – 288 с.

Древнетюркский словарь / отв. ред. В.М. Надеяев. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Жамцарано Ц.Ж. Путевой дневник 1908–1909 гг. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 119 с.

Жамцарано Ц.Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 382 с.

Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 436 с. (Тр. ИААЭ; т. XIV: Этнографическая серия, вып. 3).

Киргизско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. В 2 кн. – Фрунзе: Гл. ред. Киргизской Советской энциклопедии, 1985. – Кн. 2. – 480 с.

Косоков И. К вопросу о шаманстве в Северной Азии. – М.: Безбожник, 1930. – 78 с.

Краткий дагурско-русский словарь / сост. Г. Тумурдэй, Б.Д. Цыбенков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. – 236 с.

Кычанов Е.И. Властители Азии. – М.: Вост. лит-ра, 2004. – 631 с.

Маадай-кара. Алтайский героический эпос. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд., 1979. – 271 с.

Материалы для изучения бурятской народной словесности и языка // Изв. ВСОИРГО. – 1911. – Т. 42. – С. 111–136.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1147 с.

Намсараев Х. Сагадай Мэргэн: Эпическая поэма. – М.: Современник, 1990. – 128 с.

Онъон угэнууд, таабаринууд / сост. Д. Мадасон. – Улан-Удэ: Бурят-монголой номой хэблэл, 1956. – 40 с.

Осокин Г.М. На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1906. – 304 с.

Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – 286 с.

Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 566 с. (Тр. ИВ АН СССР. Т. XIV).

Русско-хакасский словарь / под ред. Д.И. Чанкова. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. – 968 с.

Тресидлер Дж. Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.

Фольклор Курумчинской долины. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 137 с.

Хальмг-орс толь. Русско-калмыцкий словарь / под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 768 с.

Хамарханов А.З. О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Сб. ст. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. – С. 143–161.

Хамниганско-русский словарь / отв. ред. Д.Г. Дамдинов. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 364 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 551 с.

Чжао Ц. Звери и птицы как символы в китайской культуре // Культура и история Китая: Символика китайской культуры. – Пекин: Шанс; СПб.: КАРО, 2013. – 236 с.

Чувашская мифология: этнографический справочник / отв. редакторы: Д.В. Егоров и др. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 591 с.

Шаракшинова Н.О. Улигеры бурят. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 153 с.

Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.) / пер. на рус. Ганбат Нямдаг, С.Б. Миягашева, Ж.Б. Бадагаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 196 с.

Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Отв. ред. Г.Д. Санжеев, ред.-сост. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2018. – Том III. – 2018. – 240 с.

Badmaev A.A. Traditional buryat beliefs about birds // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2020. – N 2. – P. 106–113.

References

Badmaev A.A. Traditional buryat beliefs about birds. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2020. N 2. P. 106–113. doi: 10.17746/1563-0110.2020.48.2.106-113

Bardakhanova S.S. (ed.). Fol'klor Kurumchinskoi doliny. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 1999. 137 p. (In Buryat., Russ.).

Batorov P.P., Khoroshikh P.P. Narodnaya meditsina buryat. Irkutsk: [s. n.], 1926. 18 p. (In Russ.).

Bazarov Sh.L. Poslovitsy aginskikh buryat. In *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1903. Vol. 6. Iss. 1. P. 21–39. (In Russ.).

Burchina D.A. Geroicheskii epos unginskikh buryat: Ukazatel' proizvedenii i ikh variantov. Novosibirsk: Nauka, 2007. 544 p. (In Russ.).

Chankova D.I. (ed.). Russko-khakasskii slovar'. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1961. 968 p. (In Khakas., Russ.).

Chzhao Ts. Zveri i ptitsy kak simvol'y v kitaiskoi kul'ture. Pekin: Shans; St. Petersburg: KARO, 2013. 236 p. (In Russ.).

Damdinov D.G. (ed.). Khamnigansko-russkii slovar'. Irkutsk: Ottisk, 2015. 364 p. (In Khamnigan., Russ.).

Egorov D.V. et al. (ed.). Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskii spravochnik. Cheboksary: Chuvash. book Publ., 2018. 591 p. (In Russ.).

Erdenebold L. Traditsionnye verovaniya oirat-mongolov (konets XIX – nachalo XX v.). Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2012. 196 p. (In Russ.).

Geser. Buryatskii narodnyi geroicheskii epos. Ulan-Ude: Buryat book Publ., 1986. Vol. II. 288 p. (In Russ.).

Gura A.V. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii. Moscow: Indrik, 1997. 912 p. (In Russ.).

Khamarkhanov A.Z. O kul'ture i byte mongol'skikh narodov v trude N. Vitsena «Severnaya i Vostochnaya Tartariya». In *Kul'turno-bytovye traditsii buryat i mongolov*. Ulan-Ude: BF SB AS USSR Publ., 1988. P. 143–161. (In Russ.).

Khangalov M.N. Collected Works. Ulan-Ude: Buryat book Publ., 1958. Vol. I. 551 p. (In Russ.).

Kosokov I. K voprosu o shamanstve v Severnoi Azii. Moscow: Bezbozhnik, 1930. 78 p. (In Russ.).

Kychanov E.I. Vlastiteli Azii. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004. 631 p. (In Russ.).

Maadai-kara. Altaiskii geroicheskii epos. Gorno-Altai: Gorno-Altai skoe otdelenie, 1979. 271 p. (In Russ.).

Madason D. (ed.). On'hon ygenuud, taabarinuud. Ulan-Ude: Buryat-mongoloi nomoi kheblel, 1956. 40 p. (In Buryat.).

Miller G.F. Opisanie sibirskikh narodov. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2009. 456 p. (In Russ.).

Muniev B.D. (ed.). Khal'mg-ors tol'. Russko-kalmytskii slovar'. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1977. 768 p. (In Kalm., Russ.).

Nadelyaev V.M. (ed.). Drevnetyurkskii slovar'. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Ancient Turk., Russ.).

Namsaraev Kh. Sagadai Mergen: Epicheskaya poema. Moscow: Sovremennik, 1990. 128 p. (In Russ.).

Ochir A. Mongol'skie etnonimy: voprosy proiskhozhdeniya i etnicheskogo sostava mongol'skikh narodov. Elista: KIGI RAS Publ., 2016. 286 p. (In Russ.).

Osokin G.M. Na granitse Mongolii: Ocherki i materialy k etnografii Yugo-Zapadnogo Zabaikal'ya. St. Petersburg: Suvorin Publ., 1906. 304 p. (In Russ.).

Podgorbunskii I.A. (ed.). Materialy dlya izucheniya buryatskoi narodnoi slovesnosti i yazyka. In *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1911. Vol. 42. P. 111–136. (In Buryat., Russ.).

Poppe N.N. Mongol'skii slovar' Mukaddimat Al-Adaba. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1938, 566 p. (Works of the Institute of Oriental studies of the USSR Academy of Sciences. Vol. XIV). (In Mong., Russ.).

Purbeev G.Ts. (ed.). Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'. Moscow: Academia, 2001–2002. 2198 p. (In Mong., Russ.).

Sanzheev G.D., Kontsevich L.R., Rassadin V.I., Leman Ya.D. (ed.). Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: In three vol. Moscow: IV RAS Publ., 2018. Vol. III. 240 p. (In Russ.).

Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. (ed.). Buryaad-
orod toli. Buryatsko-russkii slovar'. In two vol. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2010. Vol. II, 708 p. (In Buryat., Russ.).

Sharakhshinova N.O. Uligeriy buryat. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2000. 153 p. (In Russ.).

Tokarev S.A. (ed.). Mify narodov mira: Entsiklopediya. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. 1147 p. (In Russ.).

Tresidder Dzh. Slovar' simvolov. Moscow: FAIR-PRESS, 1999. 448 p. (In Russ.).

Tumurdei G., Tsybenov B.D. (ed.). Kratkii dagursko-russkii slovar'. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2014. 236 p. (In Dagur., Russ.).

Van'kaeva E.V., Lidzhiev A.B. Zhivotnye v primetakh mongol'skikh narodov. *Mongolovedenie (Mongol sudlal)*, 2018. N 15. P. 67–80. (In Russ.).

Vinokurova I.Yu. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii): dokt. sc. (history) dissertation. Petrozavodsk, 2007. 565 p. (In Russ.).

Yudakhin K.K. (ed.). Kirgizsko-russkii slovar'. In two books. Frunze: Glavnaya redaktsiya Kirgizskoi Sovetskoi entsiklopedii, 1985. B. 2. 480 p. (In Kirgiz., Russ.).

Zelenin D.K. Kul't ongonov v Sibiri. Perezhitki totemizma v ideologii sibirskikh narodov. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1936. 436 p. (Works of the Institute of anthropology, archaeology and ethnography. Vol. XIV: Ethnographic series. Iss. 3). (In Russ.).

Zhamtsarano Ts.Zh. Putevoi dnevnik 1908–1909 gg. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2006. 119 p. (In Russ.).

Zhamtsarano Ts.Zh. Putevye dnevniki 1903–1907 gg. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2001. 382 p. (In Russ.).

Бадмаев А.А. <https://orcid.org/0000-0002-9525-4366>